

— Ну что вы, брат Ли, право слово! — юноша, стоявший перед ним, казался хрупким и незащищённым. Тонкая кисть, сжимавшая курильницу, даже не дрогнула, когда он с притворным любопытством склонил голову набок, разглядывая собеседника. — Что же я такого сказал, что вы так всполошились?

Ли Цюань не смел расслабляться. Его тело, натянутое как тетива перед выстрелом, замерло в ожидании удара, а сам он прищурился, впившись взглядом в Бай Фэна.

— Ты шпион?

Юноша моргнул, и вдруг он звонко рассмеялся — искренне, будто весенний ветерок в цветущем саду. Ли Цюань на миг оторопел, но в ту же секунду Бай Фэн резко метнул руку вперёд. Тяжёлая курильница, рассекая воздух с резким свистом, полетела прямо в солдата.

Ли Цюань едва успел уклониться, перекатившись по полу, однако раны дали о себе знать. Он почувствовал резкую боль внизу живота и на мгновение оцепенел.

Этого мига хватило. Ароматный шлейф окутал его, и Бай Фэн, мягкий и на вид почти невесомый, всей тяжестью придавил Ли Цюаня к полу. Бай Фэн перехватил его за горло, упёрся в плечо и мёртвой хваткой заблокировал любые попытки вырваться.

Ли Цюань побледнел, в изумлении глядя на нависшего над ним юношу. От Бай Фэна исходил густой аромат пионов — пьянящий.

— Ох, брат Ли, ну и забавный же вы человек! — Бай Фэн, привыкший к интригам, заливисто рассмеялся, и это веселье немного разрядило тяжёлую атмосферу кареты. — Знал бы генерал, как вы о нём печётесь, интересно, что бы он сказал?

Ли Цюань молчал. Он пытался высвободить запястья, напрягая жилы, но всё было тщетно.

— Ты... владеешь боевыми искусствами? — наконец выдавил он.

Бай Фэн кивнул.

— Отец при жизни говаривал: книжная мудрость лечит душу, а боевое искусство — тело, и одно без другого немислимо. В детстве я учился у прославленных мастеров, жаль только, что этим крохам мастерства так и не нашлось достойного применения. В конце концов, — он вздохнул, — этот мир всё равно принадлежит семье Цзинь...

Ли Цюань не ответил, лишь злобно взглянул. Бай Фэн же, будто не замечая его ярости, коснулся щеки солдата и лукаво спросил:

— Брат Ли, ну не делайте вы такое лицо. На самом деле ваш генерал знал всю подноготную ещё тогда, когда господин Фан привёл меня в лагерь. О чём вам беспокоиться?

Ли Цюань вздрогнул.

— Генерал знал?

— Конечно, — отрезал юноша. — Неужели вы думаете, что помощник Ян позволил бы кому-то приблизиться к генералу, не проверив его до седьмого колена?

—...

— Именно потому, что я кое-что умею, а господин Фан спас мне жизнь, я и остался здесь — охранять его. Знаете, брат Ли, что сказал генерал, когда господин просил за меня? — Бай Фэн прищурился, и странно усмехнулся. — Он указал на меня, потом на господина и обронил всего два слова: «Будет полезен».

— Чего?..

— Это значило, что я буду полезен господину, а господин полезен генералу. Вот меня и оставили...

Ли Цюань не знал, плакать ему или смеяться. Он то бледнел, то краснел, а уголок рта мелко подёргивался. В душе несчастный солдат взвыл: «Генерал, ну как же так?! Вы слишком уж беспечны! Нельзя же вот так просто вешать на наш отряд охраны лишние заботы!»

— Почему ты рассказал мне всё это? — придя в себя, спросил Ли Цюань, всё ещё снедаемый подозрениями.

Бай Фэн долго смотрел на него с каким-то странным выражением лица. Наконец он ослабил хватку, выпрямился и принялся поправлять измятые одежды.

— Да просто вы мне кажетесь очень близким человеком, брат Ли.

Ли Цюань едва сдержался, чтобы не высказать вслух всё, что он думает о таких «веских» причинах.

— У вас ведь осталась сестра в родных краях? Она ждёт вашего возвращения?

Ли Цюань промолчал.

— И у меня есть брат, ему скоро четырнадцать. Он тоже ждёт меня... — Бай Фэн тем временем поднял упавшую курильницу, вытряхнул пепел и заново разжёг благовония. — Брат Ли, я ведь от чистого сердца хотел, чтобы вы отдохнули. Жаль, что вы затронули мои старые раны... — Он закатал рукав и притворно вытер слезу. — Если вы так презираете меня, что ж, я ничего не могу поделать. Но прошу вас, ради себя и ради генерала — будьте терпимее.

— П-прости... — увидев эти «крокодильи слёзы», Ли Цюань почувствовал себя последним негодяем. В самом деле, будь юноша шпионом, стал бы он так разоткровенничаться?

Бай Фэн тут же просиял, мгновенно сменив гнев на милость.

— Нет, это я виноват, напугал вас. Я должен просить прощения, — он изящно поклонился.

Прежде чем Ли Цюань успел вставить хоть слово, «красавец» распахнул дверцу кареты.

— Пойду взгляну, как там господин, — он ведь такой ранимый. Оставляю карету на ваше попечение, брат Ли. Идёт?

Разумеется, идёт! Ли Цюань согласно закивал. Юноша снова рассмеялся и, спрыгнув на ходу с повозки, скрылся из виду — на удивление ловко для своей хрупкой внешности.

Только тогда Ли Цюань почувствовал, как по лбу скатилась капля холодного пота. Жизнь в ставке генерала оказалась куда опаснее, чем он думал — кругом одни «затаившиеся тигры».

Мерная качка экипажа постепенно убаюкала его. Ли Цюань пытался бороться со сном, но усталость взяла верх, и он заснул.

Когда на закате Бай Фэн заглянул в карету, он увидел солдата, который спал, раскинув руки и ноги, и громко храпел, пуская слюни. Юноша не сдержал смешка. Однако, почувствовав за спиной ледяное дыхание, он тут же посерьёзnel и поспешно отступил в сторону.

Сзади стоял Маркиз, умиротворяющий дальние земли, Фань Ло — запыхлённый с дороги, даже не успевший умыться.

— Генерал, — негромко сказал Бай Фэн, — люди ведь не железные. Будьте с ним осторожнее, случись что с братом Ли — вам же первому будет худо.

Фань Ло, казалось, даже не слышал его. Он шагнул в карету и, легко подхватив спящего Ли Цюаня на руки, прижал к себе. Тот в полусне узнал лицо генерала, глупо улыбнулся и, поудобнее устроившись в его объятиях, заснул крепче прежнего. Он чуть заметно перестал хмуриться, а в его взгляде промелькнула тень нежности.

Бай Фэн, наблюдая за этой редкой для генерала сценой, лишь загадочно улыбнулся.

— Бай Фэн.

Голос генерала, уже спускавшегося с подножки, заставил юношу вздрогнуть. Он тут же опустился на колени.

— Что прикажете, генерал?

— Когда вернёмся в столицу, вычеркну тебя из реестра подлых людей.

Семь коротких слов заставили обычно словоохотливого Бай Фэна оцепенеть. Он вскинул голову на генерала, но тут же смиренно опустил взгляд, боясь осквернить его своим взором. Он вздрогнул, и лишь спустя долгое время он смог выдавить:

— Благодарю... генерал...

Фань Ло, не оборачиваясь, нёс Ли Цюаня на руках через весь лагерь, на глазах у сотен воинов, напрямик в свой шатёр. После такого случая о репутации солдата в армии можно было забыть окончательно.

***

Минуло полмесяца, и армия Маркиза наконец вступила в пределы провинции Ючжоу. Хотя она граничила с их прежней стоянкой, здешние края выглядели совсем иначе. Была пора осеннего равноденствия: птицы кружили в поднебесье, зелень гор подернулась дымкой, но реки всё так же несли свои чистые воды.

Ли Цюань уже совсем оправился и решил отблагодарить военного советника Фана и «красавца» Бай Фэна. Советник лишь отмахнулся веером:

— Оставь, это была просьба брата Фаня. К чему мне твои благодарности?

Бай Фэн же оказался практичнее:

— Коли уж так хочешь меня отблагодарить, брат Ли, добудь мне какой-нибудь дичи. Совсем я истосковался по свежему мясу.

Ли Цюань тут же согласился и, разузнав обстановку, выяснил, что Западные варвары пока не показывались на горизонте. Улучив момент, он отпросился у генерала на один день.

Правда, сейчас было самое время, когда лесное зверьё выходило на охоту, готовя припасы к зиме. Поразмыслив, Ли Цюань решил позвать с собой десятника Чжао Сы.

— На охоту? — Чжао Сы, попыхивая травинкой, смерил солдата оценивающим взглядом. — Ты хоть лук-то в руках держать умеешь?

— Умею, — Ли Цюань послушно подхватил ведро с водой. — В детстве, когда полевые работы заканчивались, я часто ходил в лес с соседскими охотниками. Там и стрелять научился. — В его голосе прозвучала невольная гордость.

— То-то я смотрю, — усмехнулся Чжао Сы. — Вроде лентяй лентяем, тренировки прогуливаешь, а как до дела доходит — стрела всегда в цель. Ты что же, мишень за жареную утку принимаешь?

Ли Цюань густо покраснел и, по-детски опустив голову, глупо заулыбался. Чжао Сы лишь одарил его презрительным взглядом. Однако, узнав, ради кого затеяна эта охота, десятник помрачнел.

— Что не так? — Ли Цюань моргнул. — Господин Фэн ко мне очень добр, да и генерал не против. Хотя семья господина Фэна и была...

Тут Ли Цюань осекся, испуганно глядя на Чжао Сы. Он побоялся, что сболтнул лишнего, выдав военную тайну. К счастью, тот не стал издеваться, а лишь задумчиво потёр подбородок и, придвинувшись к самому уху Ли Цюаня, обдал его жарким дыханием.

— Ой! — Ли Цюань пулей отлетел на три чжана назад. — Десятник Чжао! Вы... вы чего творите?!

Тот лишь закатил глаза.

— Чего расшумелся? Это ночной пароль нашего охранного отряда! Тебя в последнее время из шатра генерала не выкуришь, еле поймал! — Чжао Сы был явно уязвлен: Ли Цюань формально всё ещё числился в его подчинении, а по факту — чтобы передать приказ, нужно было спрашивать дозволения у самого Маркиза.

Ли Цюань снова залился краской — выходка Чжао Сы живо напомнила ему о прошлой ночи и генерале, который, кажется, вошёл во вкус, покусывая его за мочку уха...

Поспешно прокашлявшись, солдат заискивающе поклонился:

— Простите, десятник Чжао. Может... вы повторите пароль ещё разок?

Глядя на эту простодушную мину, Чжао Сы сменил гнев на милость и негромко повторил фразу. Ли Цюань усердно закивал, стараясь запомнить каждое слово.

В конце десятник добавил:

— Наш отряд несёт великую ответственность, Ли Цюань. Мне плевать, кто ты теперь генералу, но этот пароль — вопрос его жизни и смерти. Понял? Ни единой душой!

Увидев, какую серьезность напустил на себя начальник, Ли Цюань выпрямился.

— Есть! Сберегу ценой собственной жизни!

Чжао Сы высоко вскинул брови и, хлопнув солдата по плечу, согнулся пополам, едва сдерживая смех.

— Ну ещё бы... Разумеется, сбережёшь. Коли уж не можешь защитить собственного «благочестивого», то какой же ты после этого мужик?

Договорив, он покатился со смеху.

Опешивший Ли Цюань замер на месте. Он выглядел крайне неловко. Лишь спустя минуту он пришёл в себя и, подхватив вёдра, бросился к конюшням — подальше от этого насмешника.

Но в этот самый миг резкий свист разрезал воздух. Грубо вытесанная стрела из тополя, прочертив дугу, с силой вонзилась в землю прямо перед ногами Ли Цюаня.

Пыль взметнулась в воздух. Когда Ли Цюань пришёл в себя, он мертвенно побледнел.

Оперение стрелы всё ещё мелко вибрировало — сила выстрела была такова, что древко долго не могло успокоиться. Наконечник ушёл в почву на добрых три цуня, способный на таком расстоянии пробить человеку грудь навывлет.

Но страшнее всего было то, что стрела вгрызлась в землю всего в трёх дюймах от сапога Ли Цюаня.

<http://bllate.org/book/17414/1658322>